

Вопросы суррогатного материнства в расстановочной практике. Когда я впервые столкнулась с запросом клиентки о том, идти или не идти в суррогатное материнство, я была очень удивлена, что такие запросы вообще есть. Исследуя тему еще 5 лет назад, я узнала, что, оказывается, в современном обществе назрел большой спрос на услуги суррогатной матери. У меня было 5 работ на эту тему. Две женщины только собирались стать суррогатными матерями, и у них уже были клиенты, которым нужна была такая услуга. Причем одна из них должна была стать и донором яйцеклетки, уже прошла все обследования, которые подтверждали ее здоровье. Одна женщина уже была беременна, и две - уже имели опыт суррогатного материнства, но генетическим материалом не участвовали. Из них лишь одна женщина, беременная, говорила о своем опыте спокойно и в открытую, другие же это скрывали, как страшную тайну, или просто умалчивали. Те, кто имел опыт суррогатного материнства, обращались с запросами, не имеющими отношения к этому их опыту. Но, на проверку оказалось, что те проблемы, с которыми женщины обратились, очень связаны с теми динамиками, которые привели их в это событие. Одна женщина рассказала о своем опыте сразу. От другой я узнала об этом факте непосредственно во время расстановки, так как информация о ребенке проявился в поле, и я начала задавать соответствующие вопросы.

Первое, что бросалось в глаза, это то, что в родовых историях всех женщин присутствовали множественные аборт (7-18) в каком-либо из поколений. Вторая ярко проявленная особенность семейно-родового софта – это наличие в каком-либо из поколений детей, отданных на усыновление в другую семью (как родственную, так и не родственную), или в детские дома, или потерянных во время войны. Третья особенность – наличие у женщин прерванного движения любви к собственной матери, которая была холодной, отвергающей, обвиняющей или отсутствующей. Причем из пяти женщин лишь одна твердо заявляла, что у нее плохие отношения с матерью, что их как бы и вовсе нет. Другие женщины воспринимали такое положение дел, как нормальное, и не обозначали его, как неудовлетворительное для себя, и не говорили, что страдают от этого. Хотя, по большому счету, последняя динамика всегда исходила из предыдущих, она была уже следствием.

Общая базовая динамика состояла в том, что ребенок суррогатной матери замещал всех потерянных в роду детей. Это касалось, как абортированных, так и потерянных во время войны, отданных на усыновление, словом, всех тех детей, с кем связь была утрачена, которые были исключены. Все эти души лепились к душе этого ребенка, невзирая на то, родился ли он, был ли еще в утробе матери, или только в проекте. Ключевое слово – «все». Таким образом, становясь суррогатной матерью, женщина заранее готова отдать ребенка в семью, так как она переплетена с теми предками, которые отказывали детям в праве принадлежать жизни и роду (аборт), теряли детей, и не могли быть в родительской роли по разным причинам (война, голод, смерть одного из родителей, болезнь). В каждом случае было что-то свое, но значение имеет только факт такого нарушения родительско-детских связей, при котором ребенок терял принадлежность к роду, исключался. Она воспроизводит этот опыт. С другой стороны, женщина ощущает себя так, что она дает этому ребенку родителей. От нее много зависит, она в этом отдает, дает возможность жизни быть. И в этом наблюдается попытка компенсировать тяжелый опыт предков, сделав нечто хорошее, переиграв историю, перехитрив время. То есть с одной стороны, женщина повторяет тот же опыт - теряет ребенка, а с другой – создает положительный опыт, а именно способствует образованию

детско-родительских отношений, в которых подразумевается наличие прочной привязанности, в которых будет чувство принадлежности. В этой динамике женщина как бы примиряет в своей душе биологических и приемных родителей из историй своих предков. И еще имеет место быть динамика поиска хорошей матери для себя. Поскольку с матерью отношения холодные, то те люди, для которых вынашивается ребенок, замещают дающую мать, а будущий ребенок несет на себе проекцию собственного внутреннего ребенка женщины. Конечно, этот внутренний ребенок, является отщепленной частью, потому-то почти все женщины воспринимали холодные отношения с матерью, как нечто нормальное.

Очень многое зависит от того, какие договоренности существуют с заказчиками услуги на суррогатное материнство. Если по договоренности факт суррогатного материнства скрываться не будет, и женщина, являющаяся биологической матерью, сможет его видеть, если захочет, то ребенок не оказывается исключенным в ее роду. Та клиентка, которая должна была стать донором яйцеклетки, сказала, что с будущими родителями они даже договор подписали о том, что она будет этому ребенку няней после его рождения. Эта пара и клиентка были знакомы около 8 лет, и у них были хорошие отношения. И здесь имеет место быть баланс в признании роли биологического родителя. Бабушку этой клиентки в возрасте до года усыновили люди из другой семьи во время голода, и это ее спасло. Усыновители впоследствии поддерживали контакт с биологическими родителями. Бабушка их знала. Клиентка была переплетена с бабушкой, и ее историей. Суррогатное материнство в этом случае выглядело, как проявление лояльности к биологическим и приемным родителям.

В трех случаях, когда женщины вынашивали детей, но своим генетическим материалом не участвовали, клиентки были переплетены со своими предками, которые потеряв родителей, выросли в детских домах. В двух случаях предки вообще не знали своих корней, и какого они роду-племени. И здесь биологические родители будущего ребенка замещали биологических родителей предков, которые оставались неизвестными, и тех людей, которые играли родительские роли для предков, выросших в детдомах (сборный образ). В этих случаях договоренности женщин с заказчиками услуги были такими: вы вынашиваете, мы оплачиваем, вы забываете о нас и о ребенке. Опять воспроизводился опыт прерывания связи. Таким образом, женщина, вынашивающая ребенка для семейной пары, выступает в двух ипостасях одновременно: в одной части она переплетена с предком, не имевшим никакой связи с биологическим родителем, а в другой - с его биологическими родителями. То есть здесь травма потери отыгрывалась в две стороны одновременно. Как в динамике жертва-палач, когда клиент переплетен и с палачом и с жертвой, одновременно. Вынашивая ребенка, женщина потом должна была прекратить с ним связь, и исключить его, забыть. Во всяком случае, договоренности предполагали такое обязательство. Но, как мы знаем, исключенных кто-то в системе должен замещать или показывать. То место в душе женщины, которое было отдано ребенку, которого она вынашивала, манифестировали разные персоны. Одна женщина жаловалась на то, что ей все время подбрасывают животных, о которых она заботится. А вторая говорила о том, что ее родственники все время нагружают ее своими детьми. Третья хотела разобраться с проблемами в отношениях с собственным ребенком, который отчуждался.

Главное, что я заметила, и к чему все вела. Суррогатные матери втянуты в очень сложное тройное переплетение: с предком, который будучи ребенком, потерял связь с

родителями, с его родителями, и с приемными родителями или фигурой, игравшей родительские роли. Заказчики услуги выступают в дополняющих ролях. Чем можем помочь? Показать все это дело. Включить исключенных, устранить конфликт лояльностей между биологическими и приемными родителями, наладить течение энергии по родовым веткам, проработать прерванное движение любви к матери. У одной, кстати, женщины после расстановки расстроилась сделка по этому вопросу, о чем она не жалела. В расстановке удалось установить хорошую эмоциональную связь с той линией рода, о которой ничего не было известно. Вторая женщина, беременная на тот момент, после работы постаралась передоговориться с заказчиками о том, чтобы продлить период общения с ребенком после родов. Предполагалось, что ребенок уедет в другой город сразу. Договорились о том, что она поедет вместе с ним, и будет кормить до полугода. Хорошо это или плохо? Не знаю. Просто рассказываю, как было. Главное, чтобы у клиента после работы росло понимание себя, увеличивалось ощущение целостности, уверенности, а какие решения он в результате принимает – это его дело.